

В.И. Исаев

**СОЦИАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ИНДУСТРИАЛИЗАЦИИ
В СИБИРИ В ГОДЫ ПЕРВЫХ ПЯТИЛЕТОК¹**

V.I. Isaev

**SOCIAL PROBLEMS OF INDUSTRIALIZATION IN SIBERIA
DURING THE FIRST FIVE-YEAR PLANS**

Аннотация. В годы первых пятилеток в СССР была осуществлена ускоренная индустриализация, ставшая частью общего процесса модернизации страны. Цель статьи – исследование социальных аспектов проведения индустриализации в Сибири в годы первых пятилеток. Выделены наиболее острые проблемы социального развития населения Сибири, возникшие в результате концентрации сил и средств на форсированном создании тяжелой промышленности. Наиболее ощутимо отставание социальной сферы проявилось в тяжелом жилищном положении в городах Сибири и в трудностях снабжения, вызвавших введение карточной системы. Рассмотрены причины кризисных процессов в социальной сфере, коренящиеся в сложившемся отношении правящего слоя к социальным проблемам. Сделаны выводы о субъективных и объективных предпосылках отставания социальной сферы.

Ключевые слова: индустриализация, социальная сфера, рабочие, городское население, жилищный кризис, снабжение, карточная система.

Главной особенностью индустриализации в СССР стало то обстоятельство, что впервые в мировой истории она проходила в условиях господства государственной собственности на средства производства. Поэтому государство имело монополию на определение приоритетов в развитии промышленности, на выделение финансирования при выборе направлений индустриализации. Ограниченность финансов, обусловленная отсутствием в стране свободного капитала и невозможностью иностранных займов, диктовала руко-

¹ Статья выполнена по теме госзадания «Социально-экономический потенциал восточных регионов России в XX – начале XXI вв.: стратегии и практики управления, динамика, геополитический контекст» (FWZM-2024-0005).

водству страны необходимость сосредоточения всех сил и средств на наращивании материально-технической базы средств производства при сокращении финансирования производства предметов потребления. В такой ситуации выделение средств для социальной сферы общества и внимание к ней неизбежно оказывались на втором плане. Еще одной особенностью советской индустриализации являлась ведущая роль государства в производстве товаров массового спроса и в их распределении.

В настоящей статье мы попытаемся проследить, как отразились на жизни рабочих и в целом городского населения Сибири в годы первых пятилеток эти особенности советской индустриализации. Последствия скудного финансирования социальной сферы в исследуемый период в городах Сибири наиболее ярко проявились в жилищном кризисе, который остро затронул рабочих, и в кризисе снабжения городского населения товарами повседневного спроса. Поэтому выделим эти две проблемы из широкого круга проблем социальной сферы и рассмотрим их на материалах Сибири.

Хронологические рамки исследования ограничены 1928–1937 гг. По необходимости используются данные, относящиеся к более ранним или более поздним годам. Территориальные рамки включают пространство от Урала до Байкала. Под Сибирью в тексте понимается территория Западной и Восточной Сибири (в основном входившая с 1925 г. в Сибирский край), без Якутии и Дальнего Востока.

Источниками исследования являются архивные материалы: в основном это документы партийных, советских и правоохранительных органов Сибири, хранящиеся в государственном архиве Новосибирской области и других сибирских архивах. Другой важной частью источниковой базы являются статистические и иные материалы, опубликованные в научной и периодической печати.

Рассматривая жилищное положение индустриальных рабочих и в целом городского населения Сибири в исследуемый период, мы должны констатировать, что уже до начала первой пятилетки оно было довольно плачевным. При минимальной норме по стране в 8 кв. м средняя обеспеченность жильем в городах Сибири в 1926 г. достигала только 4,8 кв. м на человека, в то время как в среднем по СССР этот показатель составлял 5,86 кв. м². При этом обеспеченность

² Жизнь Сибири. 1926. № 12. С. 15.

жилием рабочих в большинстве городов была еще ниже средней. А в начале первой пятилетки на одного жителя городов Сибири приходилось только 4,6 кв. м³.

Развертывание индустриализации, строительство и ввод новых промышленных предприятий потребовали резкого увеличения количества рабочих и служащих, что обусловило быстрый рост численности городского населения. За исследуемый период оно увеличилось в 2,5 раза: если в середине 1920-х гг. горожане составляли только 12,8 % населения Сибири⁴, то к концу 1930-х гг. доля городского населения достигла 31,3 %. При этом численность рабочих с 1926 по 1939 г. выросла в 7,7 раза [Московский, 1984. С. 31, 97].

Основную долю прироста городского населения давали переселенцы из сибирской деревни. Так, в общем пополнении населения городов Западной Сибири в течение 1926–1937 гг. мигранты из сельской местности составили 68,5 % [Население, 1997. С. 95]. Прибывавшие в города мигранты вынуждены были мириться с самыми неблагоприятными условиями проживания. Немногим удавалось построить дом-временку не самого лучшего качества, большинство же оказывались в бараках и землянках.

Наиболее резко отставание социальной сферы от темпов развертывания индустриализации проявилось в ходе строительства новых промышленных предприятий. Показательно в этом отношении жилищное положение строителей Кузнецкого металлургического комбината. При планировании строительства комбината на создание жилья для рабочих выделялись совершенно недостаточные средства. Предполагалось, что в первое время большинство рабочих будут размещаться в бараках. Однако даже место в бараках удавалось получить далеко не всем. Значительная часть рабочих вынуждена была рыть землянки или строить временки. В первые годы строительства КМК 95 % рабочих проживали в бараках и землянках⁵.

В пропаганде и общественном сознании такое положение преподносилось как неизбежная жертва на алтарь строительства социализма. Считалось, что необходимо любой ценой решить главную за-

³ Государственный архив Новосибирской области (ГАО). Ф. Р-47. Оп. 1. Д. 501. Л. 2.

⁴ Всесоюзная перепись населения 1926 г. М., 1928. Т. 6. С. 8.

⁵ Государственный архив Кемеровской области в городе Новокузнецке (НФ ГАКО). Ф. 143. Оп. 1. Д. 60. Л. 66–67.

дачу – создание индустриального потенциала страны в быстрые сроки, не считаясь при этом с трудностями быта. Такие убеждения формировались у подавляющей части коммунистов, руководящих работников, они внедрялись и в массовое сознание. Показательным в этом плане является выступление заместителя начальника Кузнецкстроя А.М. Морозова в октябре 1929 г. на первой районной партийной конференции. «Мы совершим преступление, если вместо заводских сооружений будем строить магазины, жилые помещения, контору кооперации и т.д. <...> Нам партия поручила строить завод, а не здание дома торговли»⁶, – заявлял он.

После пуска комбината положение стало постепенно улучшаться, но очень медленно. В 1932 г. только 47,9 % рабочих КМК были обеспечены хотя бы каким-либо жильем от предприятия, в основном это было место в бараках. На одного жителя Новокузнецка приходилось всего 1,27 кв. м жилплощади. При этом если не учитывать жилье в землянках и времянках, то этот показатель снизится до 0,44 кв. м⁷.

Расхождение между пропагандистской картиной успешного строительства промышленного гиганта и катастрофическим жилищным положением рабочих грозило нарастанием недовольства и разрушением доверия курсу большевистской партии на форсированную индустриализацию. В начале 1933 г. в докладной записке Новокузнецкого горкома в Западно-Сибирский крайком ВКП(б) подчеркивалось: «Земляночный сектор, обложивший 10-тысячным кольцом дерновых халуп с населением в 50–70 тыс. человек Соцгород и площадку комбината, выросший за год на 50 %, настолько крупное социально-политическое явление, что игнорирование его, которое характерно для данного момента, дальше нетерпимо»⁸.

Конечно, во многом такая ситуация была вызвана тем, что Новокузнецк создавался на почти необжитом месте, но бедственное жилищное положение рабочих наблюдалось и при строительстве новых предприятий в старых городах. Так, на строительстве завода «Сибкомбайн» в Новосибирске в 1930 г. обеспеченность жилплоща-

⁶ ГАНО. Ф. П-74. Оп. 2. Д. 1. Л. 191–192.

⁷ НФ ГАКО. Ф. 3. Оп. 2. Д. 6. Л. 6–7.

⁸ ГАНО. Ф. П-3. Оп. 2. Д. 384. Л. 58.

дью рабочих составляла лишь около 2 кв. м⁹. В 1931 г. в индустриальных районах Восточной Сибири на рабочего приходилось от 2 до 2,5 кв. м¹⁰.

На площадке строительства завода горного оборудования в Новосибирске зимой 1932 г. катастрофическая ситуация с жильем потребовала срочного вмешательства партийного руководства города. В переполненных бараках из-за антисанитарного состояния вспыхнула эпидемия тифа и холеры. Значительная часть рабочих не получила даже места в бараках и вынуждена была рыть землянки, чтобы иметь место для ночлега и укрытия от лютых сибирских морозов. На склонах оврага реки Каменка возник так называемый «Копайгород».

На состоявшемся в феврале 1932 г. обсуждении ситуации на расширенном заседании горкома ВКП(б) представители дирекции строительства завода в свое оправдание выдвигали следующие доводы: на строительство жилья из центра не выделяется достаточно средств и стройматериалов, каждый вагон кирпича приходится буквально выбивать в Москве. При этом на все жалобы и требования следует стандартный ответ: на Кузнецкстрое было еще хуже, но комбинат успешно построили и запустили¹¹. Можно сказать, что пренебрежение к обеспечению нормальных бытовых условий рабочих становилось как бы негласной нормой, хотя в пропаганде постоянно подчеркивалась забота партии и правительства о людях.

За годы первой пятилетки в городах Сибири происходило постоянное снижение обеспеченности жильем: в 1929 г. на одного жителя приходилось 4,2 кв. м жилья, в 1930 г. – 4 кв. м, в 1931 г. – 3,8 кв. м, в 1932 г. – 3,6 кв. м¹².

В годы второй пятилетки жилищный кризис в городах Сибири продолжал обостряться. Причины этого заключались в недостатке финансирования социальной сферы. Например, в Кузбассе, где наиболее остро проявлялся жилищный кризис, из общего объема капиталовложений в 1932–1937 гг. только около 15–20 % шло на строительство жилья.

⁹ Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. Р-5451. Оп. 14. Д. 542. Л. 25.

¹⁰ Государственный архив Иркутской области (ГАИО). Ф. Р-600. Оп. 1. Д. 177. Л. 194.

¹¹ ГАНО. Ф. П-22. Оп. 1. Д. 48. Л. 91–93.

¹² ГАНО. Ф. Р-917. Оп. 1. Д. 111. Л. 2.

Получить жилье в благоустроенном доме, в основном комнату в коммунальной квартире, удавалось немногим счастливицам. В 1937 г. 89 % всего жилого фонда шахтеров Кузбасса составляли дощатые, бревенчатые и саманные жилища, а также землянки. Не лучшим было положение и рабочих других профессий. В 1937 г. в Новокузнецке более половины работников КМК размещались в бараках¹³.

Следствием форсированной индустриализации стало появление в городах Сибири пролетарских окраин, застроенных хаотично бараками, временками и землянками. Например, в Прокопьевске в 1936 г. количество землянок достигало 2,5 тыс. В Барнауле на окраине пос. Ильича возникла пролетарская слободка из землянок под названием «Копай-город», подобные слободки существовали и в других частях города¹⁴. Подобная ситуация наблюдалась в большинстве городов Сибири.

К концу второй пятилетки среднедушевая обеспеченность жильем в городах Сибири оставалась очень низкой. В 1937 г. в Новосибирске на одного жителя приходилось 3,2 кв. м жилой площади, в Новокузнецке, Кемерово, Анжеро-Судженске – 3,1, в Красноярске – 2,8, в Ленинске-Кузнецком, Игарке – 2,5 кв. м [История, 1982. С. 303].

Вместе с тем следует отметить, что в годы первых пятилеток объемы строительства нового жилья постепенно нарастали. В целом фонд жилплощади в городах Западной Сибири за 1928–1932 гг. вырос на 1 млн кв. м, т.е. увеличился в 1,7 раза, а в городах Кузбасса – в 3,2 раза¹⁵. За годы второй пятилетки в городах Новосибирской области было введено в строй (с учетом индивидуального строительства) 1,5 млн кв. м, в городах Восточной Сибири – 3,3 млн кв. м жилья. Только государственный жилой фонд в городах Западной Сибири вырос с 2,5 млн кв. м в 1932 г. до 3,8 млн кв. м в 1937 г. [История, 1982. С. 302]. Все это свидетельствовало о том, что государство пыталось снизить остроту жилищного кризиса, но численность городского населения возрастала значительно быстрее, чем объемы вводимого жилья.

Важным компонентом социальной сферы в исследуемый период являлась организация снабжения населения потребительскими то-

¹³ ГАНО. Ф. Р-1353. Оп. 1. Д. 174. Л. 6–11.

¹⁴ Центр хранения архивного фонда Алтайского края (ЦХАФАК). Ф. Р-312. Оп. 1-а. Д. 18. Л. 37; Ф. Р-33. Оп. 1. Д. 170. Л. 157.

¹⁵ ГАНО. Ф. Р-47. Оп. 1. Д. 1609. Л. 11–12.

варами. С началом первой пятилетки возник дефицит товаров массового спроса, который быстро перерос в острый кризис снабжения и привел к введению карточной системы.

В 1928 г. в городах Сибири возникли серьезные затруднения со снабжением населения хлебом. Информационные сводки для ЦК ВКП(б), составленные сибирским представительством ОГПУ по материалам с мест, показывают, что ситуация резко обострилась. Так, в сводке, поступившей в секретариат Сталина в июне 1928 г., сообщалось: «В Новосибирске, Славгороде, в городах Кузбасса магазины осажены толпами народа, очереди от 200 до 1000 человек. В Красноярске в очередь записываются в 1 час ночи»¹⁶.

В 1929 г. в городах Сибири, как и в целом по стране, вводится карточная система приобретения товаров: сначала хлеба, потом и других продуктов, а затем товаров промышленного производства; однако это не решило проблем со снабжением. Нормы отпуска товаров устанавливались в централизованном порядке, однако в реальности они постоянно снижались из-за недостатка товаров. По-прежнему люди вынуждены были стоять в очередях в ожидании подвоза или получения товара.

В сводках ОГПУ за 1929 г. отмечаются массовые проявления недовольства населения. Рабочий коммунально-хозяйственного треста Томска во время ожидания в очереди так обобщил эту ситуацию: «Сколько народу клянут сейчас советскую власть из-за того, что приходится по три часа стоять за пайкой»¹⁷.

С введением карточной системы большая часть снабжения городского населения товарами массового спроса стала осуществляться через нормированное распределение на предприятиях и учреждениях, где все работавшие получали карточки через закрытые рабочие кооперативы (ЗРК). Продажа товаров по карточкам осуществлялась через действовавшие торговые точки, к которым прикреплялись работники предприятия, или на предприятиях организовывались собственные распределители. В городах Западной Сибири на начало 1931 г. было образовано 279 ЗРК, их число продолжало бы-

¹⁶ Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Ф. 17. Оп. 85. Д. 307. Л. 32.

¹⁷ ГАНО. Ф. П-22. Оп. 3. Д. 69. Л. 88–89.

стро увеличиваться¹⁸. В городах Восточной Сибири в мае 1931 г. действовало 479 ЗРК¹⁹.

Проблемы со снабжением городского населения Сибири еще более обострялись в связи с его быстрым ростом. Так, в 1931 г. в списках по четырем категориям снабжаемого населения в городах Западной Сибири числилось 947 657 чел., а к концу 1932 г. контингент снабжаемого населения вырос почти на 400 тыс. и составлял уже 1 341 600 чел.²⁰

Добывание необходимых продуктов и других товаров стало в 1930-е гг. постоянной заботой городских жителей. По данным опросов потребителей и по сведениям Наркомата снабжения РСФСР, в первой половине 1930-х гг. выдачи по карточкам обеспечивали лишь от трети до половины реальных потребностей людей [Осокина, 1993. С. 40–41]. Остальное нужно было искать на рынке или в так называемых «коммерческих» магазинах, где товары продавались без карточек, но цены были в 2–3 раза выше обычных. Доля «коммерческой» торговли в розничном товарообороте городов Западной Сибири с 7,9 % в 1932 г. возросла до 36,6 % в 1934 г., а в продаже промышленных товаров достигла 53 %. При этом продавались в ней в основном те же необходимые для жизни товары, но уже по завышенным ценам. Так, в 1934 г. из 479,8 млн руб., полученных в сети «коммерческих» магазинов, более половины – 248,5 млн руб. – дали продажи хлеба²¹.

Существовавшее положение с обеспечением населения товарами массового спроса подрывало денежный оборот, тормозило нормальное развитие экономики. В течение 1935–1936 гг. карточная система была отменена сначала на продовольственные, а затем и на промышленные товары. Однако снабжение городского населения и в последующие годы продолжало быть одной из острейших проблем социальной сферы. В 1937 г. в редакцию «Комсомольской правды» поступило письмо жителя г. Сталинска Федора Ермакова, в котором он по итогам многочисленных командировок пишет: «Побывав последние два года в городах Иркутске, Чите, Сретинске, Улан-Удэ, Ом-

¹⁸ ГАНО. Ф. Р-627. Оп. 1. Д. 693. Л. 22.

¹⁹ ГАИО. Ф. Р-600. Оп. 1. Д. 436. Л. 5.

²⁰ ГАНО. Ф. П-22. Оп. 3. Д. 67. Л. 6, 19.

²¹ ГАНО. Ф. П-3. Оп. 7. Д. 599. Л. 26.

ске, Сталинске и во многих селах Восточной и Западной Сибири, я наблюдал везде острый промтоварный голод.

...Я заинтересовался – почему нет промтоваров. В самое ближайшее время я хочу ехать туда, где можно купить брюки, носки, пару простыней, пальто. Но где такое место – не знаю. Может быть, товарищи из редакции знают, пусть опубликуют»²².

Возможность свободного приобретения товаров осложнялась их дефицитом и состоянием торговой сети, существенно ухудшившимся за годы карточной системы. Как правило, магазины представляли собой тесные помещения, ассортимент товаров был скудным, работали они часто с перебоями из-за отсутствия товаров. Так, в 1937 г. из имевшихся в г. Прокопьевске 68 магазинов более-менее нормально работали только 5–6²³.

Если в магазинах появлялся дефицитный товар, возникали огромные очереди, перерастающие в давку, в которой к прилавку могли прорваться только физически сильные. В письме, направленном в ЦК ВЛКСМ, комсомолец из Кузбасса так описывает подобную ситуацию: «Я жду со дня на день первого ребенка, надо же во что-то его завернуть. Привезли ткани в лавку: очереди, давка, люди теряли сознание, меня придавили так, что оторвали борт пиджака вместе со значками ГТО и КИМ, но материю так и не взял.

...Я никак не могу понять, неужели рабочие и крестьяне боролись в 1917 году за то, чтобы сейчас давиться за кусок материи, не съест свободно кусок мяса, выпить кружку пива»²⁴.

Проблема отсутствия в продаже необходимых товаров была обусловлена не столько плохой работой местных органов снабжения, сколько социальной политикой государства в целом. В торговлю поступало значительно меньше того объема товаров, который был необходим для нормального обеспечения населения, при этом часто даже менее запланированного. Так, прокопьевским отделением Кузбасторга в четвертом квартале 1937 г. было получено по тканям от 8 до 35 % от запланированного объема, по кожаной обуви – 35 %, по швейным изделиям – 26 %. Нехватка товаров в торговле приводила к очередям и таким давкам, которые в некоторых случаях за-

²² РГАСПИ. Ф. М-1. Оп. 23. Д. 1287. Л. 41.

²³ ГАНО. Ф. П-2. Оп. 1. Д. 1687. Л. 42.

²⁴ РГАСПИ. Ф. М-1. Оп. 23. Д. 1287. Л. 38.

канчивались травмами, фиксировались и случаи смерти задавленных в очередях²⁵.

В целом можно сделать вывод, что в исследуемый период покупка необходимых для жизни товаров превратилась в ожесточенную борьбу за добывание пищи, одежды или других вещей; значительная часть свободного времени и сил горожан тратилась на поиск товаров и стояние в очередях.

Итак, негативным следствием успешной в целом индустриализации в СССР в годы первых пятилеток стало снижение уровня и качества жизни народа. В Сибири этот процесс был выражен еще более резко в силу исходного отставания от европейской части страны. К тому же значительное число промышленных предприятий в регионе создавалось с нуля, часто на необжитых местах. Недостаток средств, выделяемых в исследуемый период на жилищное строительство, обусловил снижение показателей средней обеспеченности жильем в городах Сибири. Система снабжения могла обеспечивать лишь самое скудное удовлетворение повседневных потребностей жителей городов Сибири.

В исторической литературе и публицистике встречаются различные оценки и мнения по поводу неудовлетворительного состояния социальной сферы в годы первых пятилеток. Некоторые историки утверждают, что в условиях нараставшей военной угрозы ускоренное создание промышленного и оборонного потенциала СССР было жизненно необходимо, поэтому пренебрежение к социальным проблемам полностью оправдано. Другие же считают, что большевистская партия не выполнила своих обязательств перед народом: нельзя было допускать таких экстремальных условий жизни рабочих, резкого снижения уровня жизни всего населения СССР.

На наш взгляд, такое положение в социальной сфере было обусловлено как объективными, так и субъективными факторами. Во-первых, сталинская модель социализма, в которой интересы государства всегда получают приоритет, объективно порождала пренебрежение к условиям частной жизни людей, несмотря на декларативную заботу о них. Во-вторых, субъективные убеждения правящего слоя в том, что ради достижения светлого будущего неизбежны большие жертвы, еще более усугубляли ущемление материальных

²⁵ ГАНО. Ф. П-189. Оп. 1. Д. 1092. Л. 176–177.

интересов и потребностей рядовых строителей социалистического общества.

Литература

История рабочего класса Сибири. Рабочий класс Сибири в период упрочения и развития социализма. Новосибирск: Наука, 1982. 425 с.

Московский А.С., Исупов В.А. Формирование городского населения Сибири (1926–1939). Новосибирск: Наука, 1984. 168 с.

Население Западной Сибири в XX веке. Новосибирск: Изд-во СО РАН, 1997. 169 с.

Осокина Е.А. Иерархия потребления. О жизни людей в условиях сталинского снабжения. 1928–1935. М.: Изд-во МГОУ, 1993. 144 с.